

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 378–382
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 378–382
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-378-382>, EDN: OYQJXR

Научная статья
УДК [94:323.26/.27-058.14](470.44)|1905/1907|

Проблема эксцесса революционного насилия в крестьянском движении 1905–1907 гг. (по материалам Саратовской губернии)

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и археологии, ybartho@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4488-6582>, AuthorID: 285433

Аннотация. В статье исследуется феномен революционного насилия, культивировавшийся и закрепившийся в массовом крестьянском сознании в начале XX в. Автор, опираясь на архивные источники, на примере Саратовской губернии исследует эволюцию и особенности эксцесса революционного насилия, проявившегося в крестьянском движении в 1905–1906 гг. Формулируется вывод о том, что синдром насилия в аграрном движении сформировался, как архетип массового революционизированного сознания крестьянских масс, проявляясь в их противоправных действиях. Эксцесс революционного насилия неизбежно приводил к маргинализации крестьянства, разрушая его сословные ценности и традиции.

Ключевые слова: революционное насилие, крестьянское движение, погромы, поджоги, подстрекатели

Для цитирования: Варфоломеев Ю. В. Проблема эксцесса революционного насилия в крестьянском движении 1905–1907 гг. (по материалам Саратовской губернии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 378–382. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-378-382>, EDN: OYQJXR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The problem of the excess of revolutionary violence in the peasant movement of 1905–1907 (based on the materials of the Saratov Province)

Yu. V. Varfolomeev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yuri V. Varfolomeev, ybartho@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4488-6582>, AuthorID: 285433

Abstract. The article examines the phenomenon of revolutionary violence, cultivated and entrenched in the mass peasant consciousness at the beginning of the XX century. The author, relying on archival sources, explores the evolution and features of the excesses of revolutionary violence manifested in the peasant movement in 1905–1906 using the example of the Saratov province. The article concludes that the syndrome of violence in the agrarian movement has formed as an archetype of the mass revolutionized consciousness of the peasant masses, manifested in their illegal actions. The excess of revolutionary violence inevitably led to the marginalization of the peasantry, destroying its class values and traditions.

Keywords: revolutionary violence, peasant movement, pogroms, arson, instigators

For citation: Varfolomeev Yu. V. The problem of the excess of revolutionary violence in the peasant movement of 1905–1907 (based on the materials of the Saratov Province). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 378–382 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-378-382>, EDN: OYQJXR

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Крестьянские беспорядки, наиболее масштабно и угрожающе активизировавшиеся с 1902 г., а затем продолжавшиеся с разной степенью интенсивности и революционизации вплоть до 1917 г., охватили огромные территории Российской империи, в том числе и Поволжья. В научной литературе закрепилось и стало наи-

более распространенным обозначение данного явления как «крестьянское движение». Вместе с тем этот социально-криминальный феномен российской действительности начала XX в. получил еще одно название – «аграрное движение», впервые введенное в научный лексикон и широко использовавшееся в общественно-

политическом дискурсе в начале прошлого столетия. Аграрная направленность крестьянских выступлений в этот период наглядно прослеживается на примере принимаемых на общинных сходах «общественных приговоров» и последующих действий по захвату частновладельческих земель. «Наиболее распространенным явлением в это время становятся земельные споры с помещиками, уничтожение межевых знаков на границах владений, запахивание помещичьих земель» [1, с. 75].

Крестьянское движение с момента своего бурного пробуждения в начале прошлого века прошло определенную социально-правовую трансформацию и духовно-нравственную деградацию. Так, например, на рубеже XIX–XX вв., по данным саратовских судебных установлений, наиболее распространенными видами преступлений, совершаемых крестьянами, были сопротивление местным властям, представителям правоохранительных органов, лесной и рыболовной страже, отказ от выплаты выкупных платежей и земских сборов и др.

Но, пожалуй, наиболее опасный криминальный характер носили разбойные нападения на усадьбы землевладельцев, в ходе которых оттачивались практика и идеология погромного движения. Однако на этом этапе нападения крестьян на частновладельческие усадьбы носили чисто уголовную мотивацию – завладение чужим имуществом с применением вооруженного насилия. Ярким примером в данном случае может служить дело о крестьянах М. А. Кожевникове, Е. А. Павликове и других, обвиняемых в разбойном нападении на усадьбу землевладелицы Е. Д. Хотяинцевой в д. Ковалевке Ольгинской волости Балашовского уезда. В ночь на 8 февраля 1902 г. группа вооруженных крестьян в количестве 8 чел. напали на дом дворянки Хотяинцевой с целью грабежа. Им удалось даже проникнуть в одно из помещений дома, но ничего похитить они не успели, так как работник хозяйки А. Кузин стал звать на помощь. Произведя несколько выстрелов и увидев, что к дому бежит толпа крестьян из соседней деревни, грабители поспешили удалиться. На суде злоумышленники признались в том, что «они сговорились напасть с целью ограбления на усадьбу землевладелицы Хотяинцевой, которая, по их мнению, имеет у себя много денег» [2, л. 3 об.].

Следует согласиться с выводом Ж. А. Утилиева о том, что «начало XX века характеризовалось эскалацией деструктивных настроений в крестьянской среде, проявлявшихся в различного рода делинквентных поступках – оскорбление, сопротивление, а также нанесение побоев местной администрации и полиции; оскорбление членов суда и царствующих особ, отказ от исполнения судебных решений, а также выплаты выкупных платежей и земских сборов; незаконная рыбная ловля и порубка леса; богохульство

и пр. Все это свидетельствовало о падении нравов и уровня законопослушания в крестьянской среде, а также о росте нетерпимости и агрессивности по отношению к представителям царской власти» [3, с. 67]. Если в самом начале века крестьянские противоправные выступления носили в основном общеуголовный характер, то постепенно с течением времени они приобретали форму антипомещичьей и антиправительственной мотивации, сопровождавшейся эскалацией революционного насилия. Точкой невозврата в криминальном революционизировании массового сознания крестьянства стали 1905–1906 гг. – апогей обострения системного социально-политического кризиса в стране.

В научной литературе феномен революционного насилия изучается в различных аспектах – историческом, правовом, философском, психологическом, социальном и пр. В данном случае междисциплинарный подход к изучению этого явления имеет, безусловно, продуктивный и обоснованный характер. В онтологическом смысле парадигма революционного насилия представляет собой психосоциальную модель поведения личности, замешанную на страхе, агрессии и ниспровержении традиционных аксиологических конструкций, прежде всего, религиозно-духовных и моральных принципов. В этом смысле революционное насилие ставит своей целью разрушение государственно-правовых, общественно принятых и повседневно-бытовых иерархий в достижении отдельным человеком или определенной группой контроля и превосходства над жизнью и судьбами других людей, распоряжения их правами и собственностью, а затем и установление особой конфигурации власти, мимикрируемой под различные симулякры «справедливости» и «народовластия». Насилие как важнейшая доминанта формирования и прогрессирования революционизации общества сопровождало все общественно-политические процессы XX в. Причем «бациллы революционаризма действительно наполняют всю российскую историю» [4, с. 14], – справедливо констатирует В. П. Булдаков.

Для исследования феномена «революционное насилие», его природы и трансформации в сознании крестьянских масс необходимо обратиться к методологии когнитивной истории с целью выявления «психологических основ мотивации поведения индивида в прошлом на основе раскрытия информации исторических источников» [5, с. 19]. Именно это позволит установить «человеческую “психопатологию” революции» [4, с. 16]. Таким образом, по архивным источникам предстоит проследить психосоциальную динамику массовых настроений в крестьянской среде и выявить ключевые факторы зарождения и эволюции эксцессов революционного насилия.

Революционное насилие крестьянских масс, так же как и общеуголовное, носит, несомненно, криминальный характер, но в отличие от него оно

мотивировано и подстрекаемо радикальными идейными установками, транслируемыми эсерами и эсдеками, и воодушевленное грабительскими целями насильственного перераспределения помещичьей земли в свою пользу. В 1904 г. заметно активизировалась эсеровская агитация, традиционно призывавшая к кардинальному переделу земли в пользу крестьян и привлекаятельно спекулировавшая на неудачах российской армии в непопулярной среди населения русско-японской войне.

Правда, поначалу правительство привлекало революционеров к судебной ответственности и за агитацию, и за пропаганду, и за распространение нелегальной литературы, и даже за принадлежность к радикальным партиям и тайным организациям по ст. 126 Уголовного Уложения, более «мягкой» по диспозиции, чем ст. 102. В 1904 г. Саратовской Судебной палатой и Саратовским окружным судом было рассмотрено 10 дел об антиправительственной пропаганде, а в 1905 г. их количество возросло более чем в 2 раза – судами было рассмотрено 23 дела агитаторов радикальных партий.

Как видно из материалов судебных процессов, крестьяне нередко сами распространяли запрещенную эсеровскую литературу. В середине июня 1904 г. в с. Татаново был замечен неизвестный молодой человек, проходивший по селу, и бросивший какие-то листки в переулке, а также за околицей. Местные крестьяне, ознакомившись с содержанием этих листков, убедились в их антиправительственном характере. Это были эсеровские листовки-воззвания «К деревенской бедноте». Через некоторое время по свидетельским показаниям был задержан крестьянин с. Тулиновки В. И. Бздникин, у которого при обыске нашли 147 экземпляров этого воззвания. В листовках, как значится в обвинительном акте, оспаривается и подвергается сомнению неприкосновенность прав Верховной Власти и дерзостно порицается установленный законами образ правления» [6, л. 2 об.]. Как выяснило следствие, Бздникин был агитатором-рецидивистом. До этого он уже дважды привлекался к дознанию: 4 января 1904 г. по обвинению в распространении революционных воззваний (дело было прекращено 13 августа 1904 г.) и 15 июня того же года по обвинению в распространении противоправительственных изданий. Получается так, что, уже находясь под следствием, он продолжал свою преступную деятельность благодаря тому, что на тот момент не содержался под стражей.

В марте 1905 г. в Саратовской Судебной палате рассматривалось дело учащихся Московских педагогических курсов сестер Анны и Евгении Соустиных, обвиняемых по ст. 128 Уголовного Уложения за хранение и распространение революционных воззваний. В качестве вещественных доказательств их преступного деяния в деле фигурировали найденные у них в ходе

обыска различные запрещенные издания: брошюра «Листок Саратовского комитета партии эсеров», прокламации «О войне с Японией» и другие пропагандистские материалы. В эсеровском «Листке», в частности, безапелляционно утверждалось, что «народные массы не желают и проклинают войну». Заканчивалась эта прокламация призывом ко всем гражданам сплотиться вместе: «Общими усилиями можно сломить самодержавие. “Долой войну!”, “Долой самодержавие!”» [7, л. 97а].

Однако все обвинительные приговоры, как, например, по делу мещанина Петровска Г. Е. Дронина, выносимые судами по данному виду преступлений, совершенных до 30 июля 1904 г., заканчивались стандартной формулировкой: «Наказанию не подвергать за силою 1 п. XIX ст. Всемиловейшего Манифеста от 11 августа 1904 г.» [8, л. 44], принимая во внимание то обстоятельство, что вменяемые в вину преступления совершены до дня рождения наследника российского престола Алексея Николаевича. Царские власти, несмотря на особо опасный характер и широкое распространение антиправительственной пропаганды, все-таки освобождали от ответственности большое количество революционных агитаторов, руководствуясь гуманными соображениями и традицией прощения преступников по случаю великих праздников, каковым для венценосной четы стало рождение долгожданного наследника. Этот акт милосердия революционеры расценили, с одной стороны, как гарантию своей безнаказанности и правоты, а с другой, как слабость власти и поэтому с еще большим усердием продолжали свое леворадикальное дело.

Массированная и дерзкая антиправительственная агитация дала свои плоды: с весны 1905 г. Юг России, Черноземье и Поволжье захлестнула мощная волна аграрных беспорядков. В обстановке необузданной крестьянской охлократии просматривалась и повышенная активность деятелей революционных партий – эсеров и социал-демократов. Крестьянские беспорядки в Саратовской губернии активизировались осенью 1905 г. Погромы носили отчаянный и беспощадный характер, а их сценарий, как правило, был один и тот же. Сначала группой подстрекателей и организаторов формулировались мотив и цель погрома. Затем разгоряченную и не только лозунгами, но и нередко горячительными напитками толпу организаторы вели на частновладельческие усадьбы и экономии. Погром обязательно сопровождался разграблением имущества, а все захваченное, и, прежде всего, хлеб вывозили затем на десятках, а то и на сотнях подвод. Финальным аккордом разбойничьей драмы был поджог всех строений имения.

Последнее злодеяние крестьяне наделяли каким-то языческим смыслом. Очень хорошо

иллюстрирует логику преступных деяний крестьянский лозунг, откровенно транслируемый в те дни и адресованный в первую очередь жертвам погрома: «Земля и хлеб наши, – движимость ваша, постройки же нужны нам, и мы их принесем в жертву своим предкам, из которых вы пили кровь» [9]. В этой, на первый взгляд, абсурдной формуле как раз и скрыта природа человеческой агрессии и антропологические метаморфозы насилия, доказывающие то, что одним из архетипов революционаризма является жертвоприношение как акт возмездия-уничтожения собственности ненавистных «кровопийц»-эксплуататоров.

Эксцесс революционного насилия, начиная с 1905 г., стал неотъемлемым атрибутом всех крестьянских погромов. Из материалов судебных процессов «телетайпной лентой» можно привести свидетельства разгрома крестьянского погромного насилия: «...Толпа крестьян явилась в эту усадьбу и, ворвавшись в дом, частью расхитила, частью уничтожила все находившееся в доме имущество. <...> в этом разбойном скопище принимали участие 40 человек» [10, л. 2 об.], «...к дому подошла толпа человек в 150, которые начали все громить, переломали всю мебель и расхитили все имущество. <...> у грабителей было несколько ломов, которыми разбивали шкафы и другие предметы. Разломали двери, окна, печи. Сожгли дом» [10, л. 92 об.], и, наконец, важное признание одного из подсудимых: «Мы подписались все жечь!» [10, л. 86].

Между тем осенью 1905 г. во время крестьянских погромов впервые заявила о себе одна из крайних и массовых форм революционного насилия – вооруженное восстание, сопровождавшееся погромами частновладельческих усадеб и казенного имущества. 16 ноября 1905 г. Саратовской Судебной палатой рассматривалось дело жителей сел Голицыно, Ириновки и Тепловки Саратовского уезда А. В. Курко, У. Ф. Мясниковой и других в количестве 125 чел., обвинявшихся в вооруженном восстании [11, л. 3]. Началось это восстание днем 20 октября 1905 г., когда толпа крестьян человек 30–40 из с. Ириновки, вооруженная ружьями и револьверами, прошла по с. Голицыно с пением революционных песен и красным флагом, а затем остановилась на центральной площади перед земской школой. Здесь к толпе присоединились 3 неизвестных агитатора (приезжие) или, как их называли местные жители, – «ораторы», а также две учительницы А. В. Курко и У. Ф. Мясникова, вышедшие из школы. Именно эта пятерка, явно не крестьянского сословия, и стала во главе развернувшегося крестьянского восстания [11, л. 1].

Первым объектом в борьбе за свободу и против эксплуатации стала казенная винная лавка. Разграбив это заведение под угрозой применения оружия, толпа, предводительствуемая тремя неизвестными «ораторами» и двумя земскими

учительницами, направились в соседнее с. Тепловка, по дороге ограбив сборщика денежных средств казенных винных лавок и захватив у него табельное оружие. По ходу движения толпа ириновцев увеличивалась за счет жителей Голицыно, а затем и Тепловки. Первым разгрому толпы подверглось казенное имение по привычной схеме: разграбление, а затем поджог. Нескольких охранников имения, попытавшихся отстоять имущество, крестьяне обратили в бегство ружейными залпами. После пожара было ограблено почтовое отделение, а затем и местная казенная винная лавка. Ночью крестьянами были разграблены и сожжены поташный завод, пристань, мельница, мануфактурная лавка и усадьба саратовского мещанина В. Г. Суданкина, проживавшего в Тепловке. В последующие 3 дня вакханалия насилия продолжилась. Особенно пострадали казенное имение и казенная лесная дача, а земская учительница Мясникова, ворвавшись с револьвером в Тепловское волостное правление, потребовала выдать ей паспортные бланки. Только с прибытием войск 24 октября 1905 г. крестьянское восстание удалось подавить и задержать его вожаков и участников [11, л. 2 об.].

Обобщая образ погромного движения крестьянских масс 1905–1906 гг., исследователи выделяют ряд характерных признаков: «Крестьянские погромы имели ярко выраженный аграрный характер, так как основной и главной целью бунтовщиков был захват частновладельческих земель. <...> Подстрекателями и организаторами погромов, как правило, были представители радикальных партий – эсеров и социал-демократов <...> погромы, сопровождавшиеся популярными лозунгами о справедливом распределении земли и равенстве, носили, на самом деле, псевдореволюционный, ярко выраженный общеуголовный характер <...> характерным признаком рассмотренных крестьянских погромов является высокая степень агрессии, беспощадность и бессмысленная жестокость» [12, с. 145].

Оригинальное объяснение идеологии и криминальной практике аграрного движения тех лет дал известный политический защитник, лидер «Молодой адвокатуры» Н. К. Муравьев. Он заявил, что крестьянские противоправные деяния «... это – до самого последнего времени единственный, хотя и беспорядочный язык масс. До сих пор в большинстве безмолвный, только, что учащийся говорить – лишь совершая преступления, рабочий народ заставляет себя услышать» [13, с. 105].

Таким образом, эксцесс революционного насилия стал обязательным атрибутом крестьянского движения 1905–1906 гг., проявляясь в своих крайних формах – грабежах, вооруженных нападениях, погромах и поджогах. В этом смысле эти виды крестьянской криминальности напрямую коррелируют с революционным терроризмом, и это вполне объяснимо. Ведь идеологи и в том

и в другом случае, как правило, одни и те же – эсеры. «Формами революционного насилия, подпадающими под широкую трактовку дефиниции “терроризм”, – подчеркивает А. А. Бакаев, – стали экспроприации, вооруженные нападения, похищения, вымогательства и шантаж» [14, с. 3].

Можно констатировать, что сформировавшийся в 1905–1906 гг. синдром насилия в аграрном движении представлял собой архетип массового революционизированного сознания крестьянских масс. Эксцесс революционного насилия являлся неотъемлемой чертой всех противоправных действий, совершавшихся под лозунгами радикальных партий, включая требования «справедливого» перераспределения земли. В итоге он неизбежно приводил к маргинализации крестьянства, разрушая его сословные ценности и традиции.

Список литературы

1. Варфоломеев Ю. В. «Картинка воскресшего крепостного права...» (по материалам «аграрных» судебных процессов начала XX века с участием лидера «Молодой адвокатуры» Н. К. Муравьева) // Освободительное движение : межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. А. Троицкого. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2007. Вып. 22. С. 75–82.
2. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 8 (Саратовский окружной суд). Оп. 1. Д. 255.
3. Утцулиев Ж. А. Эскалация деструктивных настроений в крестьянской среде накануне Первой русской революции (по материалам Саратовской Судебной палаты и окружного суда) // Базис. Научно-практический журнал. 2022. № 2. С. 64–66.
4. Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М. : РОССПЭН, 2010. 965 с.
5. Сабенникова И. В. Теория когнитивной истории О. М. Медушевской: точное гуманитарное знание и профессиональный выбор научного сообщества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : История России. 2015. № 2. С. 17–27.
7. ГАСО. Ф. 7 (Саратовская судебная палата). Оп. 1. Д. 2491.
6. ГАСО. Ф. 7 (Саратовская судебная палата). Оп. 1. Д. 2524.
8. ГАСО. Ф. 7 (Саратовская судебная палата). Оп. 1. Д. 2497.
9. Аграрное движение в Аткарском уезде // Приволжский край. 1905. 8 окт.
10. ГАСО. Ф. 409 (Мясоедов Николай Николаевич). Оп. 2. Д. 203.
11. ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 337.
12. Варфоломеев Ю. В., Шумилова Л. Н. Погромные «иллюминации» : особенности и характер крестьянских беспорядков в Саратовской губернии в 1905 году (по материалам судебных процессов) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (78). С. 135–145.
13. Молодая адвокатура : сборник речей по политическим процессам. СПб. : Наука и жизнь, 1908. Вып. 1. 312 с.
14. Бакаев А. А. Историография российского революционного терроризма конца XIX – начала XX веков : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 42 с.

Поступила в редакцию 13.03.2023; одобрена после рецензирования 29.03.2023; принята к публикации 12.04.2023
The article was submitted 13.03.2023; approved after reviewing 29.03.2023; accepted for publication 12.04.2023